

НА СТЫКЕ КУЛЬТУР. ИГРУШКА СССР 1920–1930-Х ГОДОВ

Советская игрушка – один из значимых символов эпохи СССР. Однако накопленный теоретический материал за неимением фундаментальных междисциплинарных исследований в этой области дает слабое представление о пути развития советской игрушки, не вскрывает те противоречия и проблемы, которые были заложены в ее базис уже на этапе становления. Выбранный период в истории игрушки – не только время борьбы нового со старым, но и сложный синтез идеологий, политических и художественных установок «двух культур», разделенных чертой революции 1917 года. В статье предпринимается попытка выявить проблемные точки такого синтеза, соединив исторический, педагогический, экономический и искусствоведческий аспекты исследования.

Ключевые слова:

дети, игрушечный, искусство, ремесленник, ремесло, Россия, социализм, педагогика, промышленность, художник.

Марченко М.А. На стыке культур. Игрушка СССР 1920–1930-х годов // Общество. Среда. Развитие. – 2017, № 3. – С.15–20.

© Марченко Мария Александровна – кандидат искусствоведения, Санкт-Петербург; e-mail: homomom@mail.ru

Историческое постановление ЦКК РКК от 26.08.1933 г. впервые конкретно и четко определило социальную функцию игрушки в социалистическом обществе, продемонстрировав понимание важности этой функции руководством молодой страны Советов. Настойчиво декларируемое государством особое внимание к ребенку, наконец, было обращено на этот незаслуженно забытый в вихре революционных бурь атрибут детства. «*Советская детская игрушка, технически и внешне художественно хорошо выполненная (...) должна шифить кругозор ребенка, ярко отражать социалистическое строительство, технику, оборону СССР, знакомить с бытом народностей СССР, с революционной борьбой пролетариата*» [2, с. 1].

Назревшая необходимость в таком определении «сверху» к тому времени стала очевидной. Строительство новой жизни на еще тлеющем пепелище старой требовало ясных ориентиров и указаний от партии. Такие ориентиры уже сыграли свою роль в большинстве сфер жизни страны. Мощный процесс централизации и уничтожения инакомыслия шел полным ходом. Борьба за души и умы подрастающего поколения была успешно завершена. За коммунистами и комсомольцами уже строились пионеры, заступившие на место не пришедшихся «ко двору» бойскаутов. За этих маленьких людей, уже рожденных советскими, теперь не нужно было бороться, их нужно было воспитывать.

Разрабатывая новую педагогическую систему, нередко огульно отказываясь от достижений прошлого, советские наука и искусство прошли трудный путь проб

и ошибок. Вместе с ними этот путь преодолевала и зарождающаяся игрушечная промышленность, призванная дать новой социалистической педагогике ее важнейший инструмент – новую социалистическую игрушку [15, р. 52–63].

Заметно оживившийся сегодня интерес к советской игрушке касается, в первую очередь, времени ее становления – периода 1920–1930-х годов. И хотя результаты предпринятых исследований еще очень скромны, очевидно, что их вектор за последние годы несколько изменился. Неприкрытая тенденциозность и откровенное желание некоторых авторов гиперболизировать отдельные негативные стороны советской игрушки постепенно уступают место объективному анализу. Стало понятно, что за признанием совершенных ошибок и наличия оставшихся нерешенными проблем в сфере советского воспитания все же не стоит забывать о достижениях страны в области детской литературы, театра, кинематографа и, конечно, детской игрушки, нелицеприятно отразившей не только победы, но и заблуждения советской эпохи.

Любое общество, как бы оно ни было революционно, получает в наследство от предыдущего местные особенности традиционного уклада во всех областях жизни. «Игрушечное наследство» дореволюционной России было в основном кустарным. Продукция кустарей составляла большую часть рынка крупных городов и весь игрушечный ассортимент огромной российской провинции. Запросы высших слоев общества удовлетворялись за счет импорта

16 | немецких и французских товаров, с техническим совершенством которых продукция кустаря-надомника конкурировать не могла [10, с. 35, 43].

Усиление интереса к народной культуре в связи с ростом национального самосознания российской интеллигенции на рубеже XIX–XX веков привело к «хождению в народ», изучению народного искусства и созданию нового типа учебно-показательных мастерских для поддержки национальных ремесел. Деятельность мастерских, созданных в большинстве случаев на средства набирающего силу русского меценатства и при помощи государственных органов на местах, благодаря активному участию в них видных деятелей искусства во многом определила развитие русских игрушечных центров в начале XX века. Значительно возросшее художественное и техническое качество русской кустарной игрушки было отмечено многочисленными призами международных выставок. Русская игрушка стала известна всему миру, став частью российского экспорта [14, с. 217–219].

Начавшееся оживление в российской игрушечной промышленности было остановлено Первой мировой войной, приведшей страну к экономическому краху и к революционным событиям 1917 года. С этого времени Россия оказалась надолго выброшенной из общеевропейского русла промышленного развития. Из последовавшей затем гражданской войны она вышла нищим победителем с великой идеей, но с разрушенной экономикой. До игрушки ли было! Качество ремесленного товара резко снизилось. Полностью прекращенный ввоз импортных игрушек перестал создавать «ненужную конкуренцию», а голод и нищета предъявляли только одно требование – дешевизну. В период НЭПа традиционные народные промыслы активно вытесняются с рынка скороспелыми городскими мастерскими, чьи гипсовые крутобокие красотки, кошки-копилки и аляповатые коробочки-сюрпризы демонстрируют ярчайшие образцы кича с революционным или контрреволюционным «душком».

Как и раньше, на защиту игрушки встала художественная интеллигенция, вернее та ее часть, что осталась по эту сторону революционных баррикад. Благодаря ее усилиям в 1919 году [9], в тяжелейшее для страны время, был создан Музей игрушки – первый и единственный до 1997 года в России. Кто же сможет после этого упрекнуть советское руководство

в пренебрежительном невнимании к игрушке! Легшая в основу музея богатейшая коллекция русской и зарубежной игрушки была собрана его основателем и вдохновителем Н.Д. Бартрамом. Сам музей, включив в свою структуру учебные мастерские и лаборатории, изучающие технологию игрушки, объединив вокруг себя талантливых художников и педагогов, стал своеобразным центром обучения и воспитания не только детей, но и новых кадров советских мастеров игрушки [13, с. 13–16].

Однако в первое послевоенное десятилетие игрушка оказалась в ряду вопросов далеко не первой значимости. Лишь к началу 1930-х годов она попала в сферу внимания партии и правительства, интересуясь их в двух ипостасях – как средство воспитания подрастающего поколения и как возможный предмет экспорта, позволяющего получать взамен необходимые оборудование и материалы. Острая нехватка валюты на их закупку заставила вспомнить об умельцах-кустарях российской глубинки. Пришло время «собирать камни».

Восстановление производства игрушек в СССР началось, как было принято, с очередного разрушительного акта. В 1928 году в Москве была закрыта крупнейшая из многих оставшихся с дореволюционных времен фабрик кукол «Журавлев и Кочешков». Когда-то выпускавшаяся ею фарфоровые кукольные головки, аналогичные французским и немецким, не уступали по качеству зарубежным образцам. Фабрику ликвидировали по решению Наркомата просвещения за идеологическое несоответствие, уничтожив при этом оставшиеся на складе куклы. Время французских модниц в кружевах и бантах ушло в прошлое, а о фарфоровых бэби большинство девочек страны Советов узнавало только из рассказов мам и бабушек [15, р. 57].

Советский ребенок должен был получить новую игрушку – красивую, полезную, идеологически выдержанную. К началу второго десятилетия советской власти это уже понимали все. Однако, разрушив старое, построить новое оказалось значительно сложнее, чем это обещали слова государственного гимна.

Из небогатого наследия дореволюционной игрушечной промышленности в 1920-е годы сохранилось немного. Кроме фабрики Журавлева кукольные головки, правда, уже не фарфоровые, а терракотовые, продолжала производить хотьковская артель А. Дунаева под Москвой, резиновую игрушку выпускал ленинградский завод «Треугольник», игрушка из дерева и папье-

маше – Сергиевская кустпромартель, печатные игры – бывшие частные издательства и типоитографии, сменившие свои названия соответственно духу времени.

Именно издательства оказались в первых рядах создателей новой советской игрушки, в силу присущей им мобильности быстрее других отреагировав на изменившиеся требования времени. Выпущенные в те годы печатные игры напоминают современные им бойкие агитационные плакаты, ставшие своеобразной азбукой революции. Ленинградские типоитографии «Красный печатник», «Начатки знаний», «Фребелист», московские – «Госиздат», «Детское творчество», «Труд и творчество», свердловское общество «Уралкнига», ростовский «Севкавиздат» и другие выпустили первые игры нового содержания, точнее, нового оформления, выглядящие сегодня забавными иллюстрациями жизни и умонастроений тех лет [5, с. 383–385].

Тогда же обретала свое лицо и советская детская литература, начинавшаяся с первых периодических изданий для детей: «Пионерский костер», «Барабан», «Пионерская правда», а также детских стихов и рассказов С. Маршака, А. Гайдара, А. Барто, К. Чуковского. Их иллюстрировали известнейшие художники того времени, некоторые из которых, откликнувшись на призыв партии, попытались также внести свой вклад в создание образа новой советской игрушки. Однако страна оказалась не готова использовать доставшийся ей по наследству художественный потенциал. «Производственное искусство» надолго останется одной из самых слабых сторон экономики СССР.

Первые советские игрушечные артели на кооперативных началах стали возникать в местах бывших народных промыслов. Среди них – основанная в 1921 году артель «Все для ребенка» (в будущем фабрика им. Восьмого марта), артели «Забава ребенка», «Мастичная кукла», «Единение», «Дитяшка», «Сергиевский токарь», «Красная трудовая артель». На базе существующей в Сергиевом Посаде с 1914 года Кустпромартели, уже тогда славившейся высоким художественным уровнем своих изделий, в 1929 году создается крупнейшее в СССР первое специализированное игрушечное предприятие (с 1930 года известное как артель им. Рабоче-Крестьянской Красной Армии), выпускавшее почти все виды игрушек – от кукол, коней-качалок и автомобилей до елочных украшений.

Преодоление разрухи и первые успехи в экономике дали базу для «наступления

социализма по всему фронту» (из лозунга XVI съезда ВКПб 1930 г., цитируется по [6]) позволили обратить внимание на потребности рядового гражданина СССР, не только взрослого, но и маленького. За удовлетворенными, хотя и скромно, потребностями первой необходимости встали вопросы разнообразия и качества. Быт нового советского человека должен был стать тоже новым, отражающим завоевания социализма, его идеологию и коллективистские принципы жизнеустройства.

Интерес к игрушке как неотъемлемой части этого быта и важному воспитательному инструменту заметно усилился. Несоответствие ее качества важности решаемых задач и возросшему уровню благосостояния народных масс не заметить было уже невозможно. «Игрушечный вопрос» стал все чаще обсуждаться на собраниях и на страницах печати. О нем писали педагоги А. Макаренко и Е. Флерина, писатели А. Горький и Л. Кассиль, политики Н. Крупская и А. Луначарский. Их статьи часто публиковались на страницах журнала Советская игрушка (Игрушка), бывшего органом Комитета по игрушке при Наркомпросе РСФСР, Научно-экспериментального института по игрушке и Всесоюзного комитета в 1935–1939 годах.

В 1932–1933 годах в Загорске (бывший город Сергиев Посад) под Москвой были организованы Всесоюзный научно-экспериментальный институт игрушки и профессионально-техническая школа. Давняя мечта превратить Сергиев Посад – крупнейший промышленный игрушечный центр дореволюционной России, в русский, а теперь уже в советский, Нюрнберг, неожиданно начала воплощаться в жизнь в один из самых сложных периодов истории российской игрушки. Годом раньше в Загорск был переведен и Музей игрушки, волею судьбы и Вождя оказавшийся в зоне Москвы, подлежащей расчистке под строительство Дворца Советов. Символичность происшедшего становится еще более очевидной в ряду других событий этого года, когда был разрушен храм Христа Спасителя – главная святыня России [4, с. 142–150].

Неизвестно, этот ли год определил будущий «крестный путь» страны, но для музея он, действительно, оказался «черным». Складированная в сырых помещениях монастыря коллекция умирала. А сам музей в 1933 году по решению Совета народных комиссаров был передан в систему промысловой кооперации, превратившись в придаток Института игрушки в виде ка-

18 | бинета образцов и учебного материала для производителей, в котором «игрушка должна быть разбита и по векам, и по классовой принадлежности» [1, с. 22].

Робкие возражения общественности были пресечены недвусмысленным заявлением директора института товарища Барамзина о том, что значения начатой работы не понимают только «те эстеты, для которых любованье красивой вещью дороже большой задачи воспитания здоровой большевистской смены» [1, с. 22]. Для «эстетов» – историков, художников, искусствоведов, а также для большей части советской детворы музеев был потерян. Не оправдал он и возложенной на него почетной обязанности стать художественно-производственной базой игрушечной промышленности. Мечты о русском Нюрнберге так и остались мечтами, однако с этого времени вопросы количества и качества советской игрушки стали рассматриваться на «государственном уровне».

1933 год, сопровождавшийся массовым затовариванием игрушки, наглядно показал ее несоответствие возросшим требованиям потребителя. В результате, значительная часть производств закрылась, бывший и так небогатым ассортимент сократился вдвое. После постановления ЦК ВКПб при Наркомате просвещения был организован Комитет по игрушке, существовавший с 1934 по 1938 год и давший путевки с жизнь большей части игрушек тех лет. Он был призван «осуществлять политико-идеологическое руководство и контроль за созданием, производством и распространением игрушек для детей всех возрастов» [12, с. 7]. Во второй Сталинской пятилетке была запланирована серьезная реорганизация советской игрушечной промышленности. Начался новый этап ее истории.

В качестве первоочередных мер преодоления «игрушечного кризиса» предусматривалось создание новых и укрупнение старых предприятий на обновленной технической базе, решение проблем обеспечения сырьем и подготовка квалифицированных кадров, которых на тот момент практически не было. В это время игрушечное производство сосредотачивалось в Московской области и Ленинграде – наиболее развитых промышленных областях. Дети огромной российской провинции по-прежнему оставались лишенными самых элементарных игрушек, играя примитивными домашними самоделками.

К середине 1930-х годов ситуация несколько изменилась. Среди множества

восстановленных и новых игрушечных производств часть открылась в отдаленных регионах и в союзных республиках, некоторые из которых никогда их раньше не имели. Объединение и концентрация мелких артелей привели к появлению крупных специализированных предприятий, таких как артели им. Калмыковой, им. Рубена, «Игропромкооп», «Музигрушка», Детско-Сельская фабрика металлической игрушки – в Ленинграде, артели «Красная игрушка», «Штампигрушка», фабрики им. Коммунистического Интернационала Молодежи и «Спортигрушка» – в Москве, завод «Пресс» – в Серпухове, артель им. Рубена – в Загорске и других, выпускавших почти половину всей продукции. В 1937 году игрушку производило уже более четырехсот предприятий. Плановая экономика сыграла на этом этапе, безусловно, положительную роль.

О задачах, проблемах и достижениях на пути становления игрушечной промышленности можно судить по статьям журнала «Советская игрушка». Главная тема его первых выпусков – определение существенных характеристик советской игрушки, среди которых оказались политичность и четкая классовая принадлежность. Пожалуй, только это, да упор на обязательное соответствие коллективным формам быта отличали требования к ней от требований к игрушке вообще. Демонстрация в советской игрушке социалистических общественных отношений и преимущественно отечественных научно-технических достижений, отражение в ней этнографического многообразия мира, главным образом, через национальные различия народов СССР не уменьшают ее общечеловеческой вневременной значимости.

Новые требования, в первую очередь, были предъявлены к сюжетной игрушке. В кукле современные типажи колхозников, красноармейцев, милиционеров сильно потеснили привычных пупсов и нарядных дам, однако поиски столь желанного образа советского ребенка, уже сложившегося в изобразительном искусстве и активно им тиражировавшегося, здесь продвигались с трудом. Легче принимали требуемое обличье комплексные игры, осваивающие новые темы: «Колхоз», «Днепрогэс», «Строительство Дворца Советов» и другие.

В бедственном положении находилась техническая игрушка. Значительно повысить ее качество и увеличить крайне ограниченный ассортимент за счет новых современных образцов не позволяла слабая производственная база игрушечной

промышленности, комплектуемая по остаточному принципу. Будущим летчикам и конструкторам еще долго придется довольствоваться самодельными планерами и примитивными «Меккано». Лишь к концу 1930-х годов им на смену пришли сложные заводные игрушки, электрические железные дороги и грамотно выполненная военная техника, выпуск которой значительно вырос в предвоенные годы. Но даже тогда лучшие образцы технической игрушки оставались дефицитным и дорогим товаром.

Повысить по-прежнему неудовлетворительное качество настольных печатных игр, а также усилить контроль над этим наиболее политизированным видом детской игрушки позволила передача в 1935 году функций общего руководства их производством Всесоюзному кооперативному издательству КОИЗ, фирменный знак которого можно найти на большинстве печатных изданий того времени.

Плохо обстояли дела с так называемой забавной и музыкальной игрушкой. Недостаточно дидактическая и идеологическая по своей сути, она оказалась на второстепенных ролях в деле воспитания советского ребенка. Объемы ее производства в общей массе выпускаемых игрушек стабильно оставались несоизмеримо ниже объемов аналогичной продукции в зарубежных странах.

Жизненно важное для игрушечной промышленности расширение сырьевой базы напрямую зависело от успехов бурно развивающейся в эти годы химической индустрии. Первостепенным по значимости ее достижением стало начало производства Охтинским химическим комбинатом в Ленинграде отечественного целлулоида, до тех пор ввозившегося из Германии. Не только экономическая, но и политическая важность события была отмечена рядом резолюций: «Так, шаг за шагом мы разрушаем басни буржуазии и сказки колеблющихся маловверов о нашей технической несамостоятельности. Так, шаг за шагом освобождаемся мы от заграничной капиталистической кабалы и строим социализм в нашей стране» [цитируется по II, с. 197]. Первые советские игрушки из этого материала начал выпускать ленинградский завод им. «Комсомольской правды». С 1937 года почти полным монополистом в их производстве стал Охтинский химический комбинат.

В те же годы в игрушечной промышленности были освоены прессующиеся древесно-бумажные массы, позволившие

частично заменить более трудоемкое папье-маше. В производстве резиновых игрушек начал успешно применяться дешевый синтетический каучук. Значительно улучшенное качество красителей и лаков дало игрушке долгожданный цвет. Проведенные многообещающие эксперименты с новыми видами синтетических пластмасс предопределили в недалеком будущем появление нового материала – поливинилхлорида.

Сознавая невозможность решения всех экономических проблем «сверху», государство гениально использовало для их решения энтузиазм рабочих масс. Знаменитое стахановское движение и всесоюзное социалистическое соревнование, сопровождавшиеся всплеском изобретательства и рационализацией производственных процессов на местах, сыграли важную роль в развитии игрушечной промышленности. Сообщениями об этом пестрят хроники тех лет. Тем не менее, даже к концу 1930-х годов, когда страна уже могла по праву гордиться своими достижениями в большинстве отраслей народного хозяйства, игрушечная промышленность, оставаясь в роли падчерицы советской экономики, не смогла решить многих важных проблем.

Разбросанные по разным ведомствам игрушечные артели и фабрики не имели четкого централизованного руководства. Институт игрушки, призванный обеспечить производство высококачественными художественными образцами и профессиональными кадрами, из-за незнания специфики и нужд конкретных предприятий оказался оторванным от них, оставаясь своеобразной экономической утопией, островом «чистой науки» в задыхающейся без профессиональной помощи игрушечной промышленности. Нерешенная проблема подготовки для отрасли профессиональных кадров тормозила дальнейшее развитие. Попытка решить ее путем привлечения в массовое производство народных мастеров ситуацию кардинально не изменила – соединение кустарного опыта и машинного производства редко давало удачный результат.

Серьезные достижения тех лет в количественных показателях производства значительно меньше коснулись эстетической стороны игрушки. Почти утерянная в предшествующие десятилетия культура игрушки с трудом поддавалась восстановлению путем распоряжений и приказов. Вопрос о месте художника на производстве так и не был решен. Попытки его решения были, порою, очень экстравагантны, но

вполне в духе времени. Среди них, например, организация артели игрушечников из студентов Академии Художеств [10, с. 46]. Нехватку художественных образцов приходилось компенсировалась активным копированием зарубежных, большей частью, немецких и американских образцов [7, с. 90–93].

Первая волна профессиональных художников, пришедших в игрушечную промышленность, разбила ее стену непонимания со стороны руководителей предприятий. Нежелание последних тратить силы и средства на освоение новых моделей вкупе со стремлением удешевить продукцию за счет «экономии» на художнике, а также пренебрежительное отношение к творческой интеллигенции сыграли свою роль [8, с. 4–5]. По своим эстетическим качествам советская игрушка, в целом, уступала западноевропейской и американской на протяжении всей своей истории.

Похвальное желание обеспечить игрушкой детей в самых отдаленных уголках огромной страны часто приводило к политике искусственного насаждения игрушечных производств. Вполне реальное

в условиях плановой экономики такое развитие вширь во многих случаях потерпело фиаско из-за отсутствия своевременной помощи из центра и нерешенности кадровой проблемы на местах.

Жесткая государственная политика снижения цен на игрушку в условиях трудоемкого полукустарного производства делала ее крайне невыгодным видом продукции для большинства мелких предприятий. Навязанный план выполнялся в таких случаях за счет снижения качества и сужения ассортимента продукции, и так значительно уступающего в количестве наименований развитым капиталистическим странам [3, с. 1–3].

И все же, несмотря на все трудности, к концу 1930-х годов игрушечная промышленность смогла обеспечить советских детей достаточно разнообразной и добротной игрушкой. Это была уже новая игрушка, созданная для новых людей новой страны. Сегодня есть все основания предполагать, что она имела все шансы стать заметной частью мировой экономики и культуры. Это так и не случилось. Помешала Вторая мировая война.

Список литературы:

- [1] Барамзин Д. Как будет реорганизован Музей игрушки института игрушки // Советская игрушка. – № 1, 1935. – С. 21–22.
- [2] За высокое качество // Советская игрушка. – № 1, 1935. – С. 1–2.
- [3] Игрушечникам – большевистское воспитание // Игрушка. – № 12, 1938. – С. 1–3.
- [4] Изергина А. О моем отце, художнике Н.Д. Бартраме / Н.Д. Бартрам. Избранные статьи. Воспоминания. – М.: Советский художник, 1976. – 176 с.
- [5] Костюхина М. Детский оракул. По страницам настольно-печатных игр. – М.: Литературное обозрение, 2013. – 644 с.
- [6] КПСС (1898–1991). Энциклопедический словарь // ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА (Электронные книжные полки Вадима Ершова и К°). – Интернет-Ресурс. Режим доступа: http://publ.lib.ru/ARCHIVES/K/KPSS/_KPSS.html#016
- [7] Марченко М. Игрушка в контексте художественных реформ начала XX века // Общество, среда, развитие. Научно-теоретический журнал. – СПб.: ЦНИТ «Астерион», 2008, № 3(8). – С. 85–93.
- [8] Могилевский А., Попова Л., Абрамов А., Самойлович. Почему мы не работаем над игрушкой // Игрушка. – № 8, 1937. – С. 4–5.
- [9] О работе музеев с детьми в начале XX века (забытые страницы истории). – Интернет-Ресурс. Режим доступа: <https://e-koncept.ru/2014/54302.htm>
- [10] Оршанский Л. Художественная и кустарная промышленность СССР 1917–1927. – Ленинград: Академия Художеств, 1927. – 83 с.
- [11] Охтинский химический комбинат 1715–1965. Очерки, документы, воспоминания / под ред. С. Тюльпанова. – Ленинград: Изд-во Ленинградского университета, 1965. – 550 с.
- [12] Флерина Е. Комитет по игрушке при Наркомпросе РСФСР // Советская игрушка. – № 1, 1935. – С. 7–9.
- [13] Шумунова Т. Педагогические воззрения Н.Д. Бартрама в концепции и практике музея игрушки. Попытка реконструкции // Первые Бартрамовские чтения: Сб. материалов / Художественно-педагогический музей игрушки РАО. – Сергиев Посад, 2004. – С. 12–17.
- [14] Marchenko M. Die Wechselwirkung zwischen russischer professioneller Kunst und der Volkskunst im 20. Jahrhundert am Beispiel von keramischem Spielzeug // Blick nach Westen, 45. Internationales Symposium Keramikforschung / Ed. Dr. Herald Siebenmorgen. – Badisches Landesmuseum, Karlsruhe, Германия, 2013. – S. 217–225.
- [15] Marchenko M. Leikin päähenkilö / Sankarilliset lelut // Toim M. Heinimaa. Jyväskylä: Atena, 2004. – P. 52–75.